

И. Купченко. Воспоминание о лете...

Фото В. Плотникова.

Зрители впервые увидели эту актрису в фильме «Дворянское гнездо». Хрупкая, легкая, свежая, как бы пропитанная ароматом цветов, трав, деревьев, в которых утопает усадьба Калитиных, она вошла в наше кино с букетиком только что срезанных роз...

Эта странная Купченко...

Доме пионеров. Запись тогда была только в театральную студию. Ирина попробовала, и у нее получилось. «Ваше будущее — театр», — сказал педагог студии. Кружок просуществовал недолго. А после школы по настоянию родителей Купченко поступила на филологический факультет Киевского университета. Но желание быть актрисой жило; жила даже не мысль, а твердая уверенность в том, что существуют законы красоты и гармонии. Хотелось каким-то образом ощутить, увидеть, утвердить это «нечто».

— Знаете, — рассказывает Купченко, — это было сродни какому-то религиозному чувству. Я свято в это верила. Заветные слова «гармония», «положительный идеал» имели для меня свой особый смысл. И если мы не видим их вокруг себя, это не значит, что их нет.

— Вы никогда не вели дневник! Наверное, это был бы очень интересный дневник, в котором жесткий самоанализ сочетался бы с описанием интересных впечатлений жизни. И так же трезво говорилось бы о неземном измерении души, об идеале, о гармонии...

— Я пыталась вести дневник, — говорит актриса. — Но потом в какой-то момент я поняла, что если буду фиксировать все на бумаге, выражать в словах, то непонятно, зачем тогда играть? Смысл теряется. Я ведь обретаю именно в игре

все, чего не могу найти в жизни...

Кстати, в университете Купченко была одной из лучших в первый год обучения. С удовольствием изучала языки, историю литературы, это ей было интересно. Но вот во втором полугодии начался предмет, который называется «языкознание». Именно этот предмет вдруг вызвал страшную реакцию неприязни:

— До сих пор не могу понять, что на меня тогда нашло? Сажу на лекции и ничего не понимаю. И не то, что не понимаю, о чем идет речь, а мучительно не понимаю другое, самое важное: «Зачем я живу» — и ответ требуется исчерпывающий и незамедлительный. Речь идет о сущностных вопросах бытия — а тут какая-то структура слова. Ну как я могу выразить через нее свое отношение к жизни, к тому, что волнует, притягивает? Смешно сейчас говорить о филологии 17-летней девочки, но тогда было именно так... Короче, я перестала ходить на лекции.

— Вы как-то говорили мне, что если бы не были актрисой, то все равно работали бы кем-то при искусстве — на студии, например...

— Нет. Я имела в виду другое. Я очень люблю студию, люблю гримерную, коридоры, павильоны. Первое впечатление от «Мосфильма» (надо сказать, заведения весьма общепланного и неустроенного) как от волшебного мира, где происходят чудеса, сохранилось и сейчас. Меня до сих пор волнует запах гримерной, тот особый смешанный запах

пудры и тройного одеколона, который больше нигде не встретишь. Существовать в этом мире, кем угодно — актрисой ли, костюмером или гримером, — мне казалось одинаковым счастьем. И даже гримером, пожалуй, лучше: ты и участвуешь в творческом процессе, и вместе с тем нет того дикого страха, что ничего не получится, который в той или иной мере знаком всем актерам.

— И тем не менее вы — актриса. Но, наверное, нетипичная. Возникает ощущение и от ранних ролей, и от общения, что вы не столько играете, сколько пытаетесь выявить некий закон, по которому существует этот мир...

— Наверное, вы правы. Может быть, это основное, почему я стала актрисой. В детстве у меня не было особых задатков. Если в школе приходилось читать стихи, я выпаливала их такой скороговоркой, что никто ничего не понимал. Не умела показывать других людей, копировать их повадки, манеру говорить. Хотя со временем все больше ажурно во вкус характерных ролей — то ли себя стало скучно играть, то ли встала перед необходимостью перехода к возрастным, а следовательно, характерным ролям. Во всяком случае последние работы в театре и в кино, где я попыталась сыграть что-то отличное от себя самой, принесли мне радости и удовлетворения гораздо больше, чем все предыдущие.

Вообще я иногда жалею, что не принадлежу к тем людям, которым интересно все. Мне не все интересно, не все — мое. А то, что не мое, как бы проходит мимо меня. И, как я сейчас понимаю, оно действительно проходит. Это касается и ролей, и просто жизни...

— С этим я позволю себе не согласиться. На протяжении многих лет я видела, как без всяких рефлексий вы кидались на помощь друзьям и знакомым.

— Но, когда работаю, обрубаю концы, могу пропасть на некоторое время. Друзья знают и не обижаются на это.

— То есть профессия требует житейского эгоизма...

— Да! Меня, например, потрясает Михаил Александрович Ульянов. Его буквально разрывают на части и по творческим, и по житейским проблемам. Его время принадлежит другим. Ему нужно работать, а он занимается невестой чем и все для других. Он чувствует, что должен всем — и коллективу, и отдельным людям. Конечно, это мешает его работе. Я на это не иду, никогда не шла, так что сами видите, какая я эгоистка...

Кстати, что-то от этого эгоизма, или, лучше сказать, максимализма, было и в моей Лизе Калитиной. Она уходит в монастырь, бросает любимого и очень несчастного человека. Убоявшись греха перед богом, она совершила грех перед любимым человеком. Как актриса, я должна была сыграть так, чтобы убедить зрителей в необходимости для Лизы этого шага. Но как человек, как Ирина Купченко я скорее осуждаю ее.

— Может быть, следующая работа с Кончаловским в «Дяде Ване» — реакция на Лизу?

— Иногда говорят, что и в «Дяде Ване» я сыграла себя.

Это неверно. Для меня это два взаимоисключающих образа: в отрешенности Лизы Калитиной проступала замкнутость моего характера, а в Соне мы с режиссером Кончаловским искали живую смену состояний, их резкие переходы, когда, как это бывает в жизни, мы плачем и тут же смеемся, ненавидим, любим, жалуем, презираем — и все сразу, вместе. Важно только не терять сути. В каждой роли есть свое ядро, диктующее мысли и чувства героя. У Лизы, например, это был рассудок. Соня жила сердцем.

— Актер и самовыражение... Не кажется ли вам, что в этом сочетании уже заложено противоречие?

— Да, в нашей профессии заложены и двойственность, и противоречивость. Актер — единственный художник, материалом для творчества которого служит он сам. В статьях критиков даются сложные концепции образа, иногда очень интересные. Но я как актриса иду от очень простых вещей, простых импульсов в поведении своих персонажей. А вот сложность и верность прочтения образа в картине в целом зависит только от режиссера. Вы замечали ведь не раз, как прекрасные актеры плохо играют вдруг в какой-то картине? Это же не случайно, и дело чаще всего не в актере, а в режиссере, который не сумел выстроить целостность фильма так, чтобы твоя работа в нем заняла точное место,

верно была прочитана зрителем. И, с другой стороны, сколько талантливых актеров открылось именно в режиссерских фильмах.

— С этим, наверное, и связан тот жесткий отбор ролей, режиссеров, сценаристов, который вы ведете!

— Работа актера — это всегда подчинение. Но подчиняться человеку, который кажется тебе умней, талантливей, в чем-то выше тебя, — это счастье. А вот подчиняться режиссеру, с которым нет общего языка, — это мучение. Может быть, конечно, это только я его не поняла, и только мне не интересно. Но от этого мне не легче...

— Почти все ваши последние работы в кино — о положении женщин в современном обществе. Это и ставшая почти нарицательной «Странная женщина», и «Одинокая женщина желает познакомиться», «Без свидетелей...» Что вы сами думаете об эмансипации?

— Я думаю, что главное — это чувство собственного достоинства женщины, чтобы жизнь и сама женщина могли поддерживать в себе это чувство. Есть женщины, которые дадут сто очков вперед мужчине. И они должны иметь на это все права. Но это не значит, что все ими воспользуются, это абсурд! Чаще же в жизни мы наблюдаем третий вариант. Женщины сидят на работе и не думают о работе по-настоящему, потому что в это время их ребенок бегает во дворе заброшенный, не пообедавший или съевший холодный обед. Женщина не сосредоточена на работе и не занимается домом. Причем не только у нас, но это касается всех, даже самых развитых стран мира. Либо работа, либо ребенок, и что-то из этого всегда страдает. В моей жизни это сочетается так же трудно, как в любой другой... Хотя я убеждена, что женщине необходима семья. Но в обществе должно быть повышенное внимание к семье...

...Вот, пожалуй, и все, что думает о себе эта странная Купченко. Но нельзя обойти и хотя бы без двух мужчин в ее жизни, поскольку их мнение что-то значит для всякой женщины, какой бы странной она ни казалась.

Режиссер Вячеслав Криштофович:

— Читая сценарий «Одинокой женщины», где-то на десятой странице я уже понял, что мне это интересно будет делать только с такой актрисой, как Купченко. Хотя я понимал, что получится не совсем то, что имел в виду сценарист В. Мережко. Но, посмотрев материал, был покорен и он. Поэтому что Купченко владеет тайной «вытаскивания» души наружу перед зрителем.

Сценарист Рустам Ибрагимбеков:

— Есть люди, в самих себе несущие качества, которые другим достаются ценой огромных усилий. Вот Ира — из тех, кто естественно, органично морален и нравствен от природы.

Сегодня мы говорим о нигилизме, о безверии, о потере идеала. И в этой ситуации особую роль приобретают люди типа Купченко, которые сумели все это пережить и превозмочь. Нравственность и чистоту сыграть невозможно. Нравственным и чистым нужно быть. Благодаря таким людям держится традиция. Через таких людей осуществляется связь времен.

Беседовала
И. GERMANOVA.

30.01.93

Купченко И.